

Валерия Хасанова

Тишина между выстрелами

Валерия Хасанова

Тишина между выстрелами

«Автор»

2026

Хасанова В. А.

Тишина между выстрелами / В. А. Хасанова — «Автор», 2026

Она — хирург, который спасает жизни. Он — разведчик, который каждый день смотрит смерти в глаза. Их встреча — случайность. Их любовь — неизбежность. Война не выбирает, кому жить, а кому умереть. Она стирает города, ломает судьбы, забирает близких. Но даже в аду можно найти рай. Варя и Лёша нашли друг друга в самом пекле — в разрушенном Волгограде, под свист пуль и грохот снарядов. Она привыкла бороться за каждое сердцебиение. Он привык возвращаться живым, чтобы снова уйти в бой. Но когда их взгляды встретились в операционной, мир перестал быть только войной. В нём появилась надежда. Два зелёных огня в окне. Письма, написанные на клочках бумаги. Обещание встретиться после войны. И вера, что любовь сильнее смерти. «Тишина между выстрелами» — это роман о том, что даже в самые тёмные времена можно сохранить свет. О том, что настоящая любовь не боится ни пуль, ни разлук. О том, что если ждать и верить — тишина обязательно наступит.

© Хасанова В. А., 2026

© Автор, 2026

Валерия Хасанова

Тишина между выстрелами

ТИШИНА МЕЖДУ ВЫСТРЕЛАМИ

Роман

СОДЕРЖАНИЕ

Она — хирург, который спасает жизни. Он — разведчик, который каждый день смотрит смерти в глаза. Их встреча — случайность. Их любовь — неизбежность.

Война не выбирает, кому жить, а кому умереть. Она стирает города, ломает судьбы, забирала близких. Но даже в аду можно найти рай. Варя и Лёша нашли друг друга в самом пекле — в разрушенном Волгограде, под свист пуль и грохот снарядов.

Она привыкла бороться за каждое сердцебиение. Он привык возвращаться живым, чтобы снова уйти в бой. Но когда их взгляды встретились в операционной, мир перестал быть только войной. В нём появилась надежда.

Два зелёных огня в окне. Письма, написанные на клочках бумаги. Обещание встретиться после войны. И вера, что любовь сильнее смерти.

«Тишина между выстрелами» — это роман о том, что даже в самые тёмные времена можно сохранить свет. О том, что настоящая любовь не боится ни пуль, ни разлук. О том, что если ждать и верить — тишина обязательно наступит.

Прочитайте эту книгу, чтобы вспомнить: война проходит, а любовь остаётся.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. СТАЛИНГРАДСКАЯ ТВЕРДЫНЯ (Волгоград)

- Глава 1. Скальпель под обстрелом
- Глава 2. Ахматова на Мамаевом кургане
- Глава 3. Чай на проспекте Ленина
- Глава 4. Портрет на салфетке
- Глава 5. Качели у фонтана
- Глава 6. Обстрел госпиталя в Ахтубе
- Глава 7. Мост через Волгу
- Глава 8. Три дня без вести
- Глава 9. Письмо в гильзе
- Глава 10. Зелёный свет

ЧАСТЬ I

СТАЛИНГРАДСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

Глава 1

Скальпель под обстрелом

Волгоград. Улица Рокоссовского. Подвал бывшей школы № 24. 23:45.

В подвале пахло сыростью, кровью и йодом. Эти запахи перемешались в густой, удушливый коктейль, который Варя вдыхала уже восьмой час подряд. Она почти перестала их замечать. Почти привыкла.

Снаружи ухали разрывы. Совсем рядом, у заводских цехов «Красного Октября». Снаряды ложились с пугающей регулярностью — каждые три-четыре минуты. Стекло в маленьком зарешечённом окне под потолком дрожало, и с потолка сыпалась известковая пыль.

Варя не поднимала головы. Она работала.

— Скальпель, — сказала она ровным, спокойным голосом. Её рука не дрогнула, даже когда очередной взрыв сотряс стены. За два месяца в Волгограде она научилась не слышать войны. Она слышала только сердцебиение пациента — слабое, прерывистое, но ещё живое. Она цеплялась за этот звук, как утопающий за соломинку.

Старший лейтенант с осколком в брюшной полости лежал на импровизированном операционном столе — обычной школьной парте, застеленной простынями. Ему повезло: осколок прошёл мимо аорты. Не повезло: кровопотеря была колоссальной, давление падало на глазах.

— Давление сорок на двадцать, — шепнула медсестра Анна, немолодая женщина с усталыми, но зоркими глазами.

— Переливание, — бросила Варя, даже не повернув головы. — Быстро. Второй катетер.

Анна засуетилась у столика с ампулами. Варя не смотрела на часы. В подвале время текло иначе — вязко, тягуче, как загустевшая кровь. Она знала, что за дверью ждут ещё двое раненых, а в коридоре на носилках — трое. И так будет продолжаться, пока не стихнут орудия на передовой.

Она даже не заметила, как он вошёл.

Алексей Громов стоял в проёме двери, прижимая плечом к стене пленного. От него пахло гарью, машинным маслом и железом. Форма была грязной, в саже и копоти. На левой скуле алела свежая царапина — след от осколка или пули, которая прошла в считанных миллиметрах от лица.

Но глаза его — серые, цепкие, внимательные — он уставился не на раненого на столе. Он смотрел на неё.

Варя на мгновение подняла голову. Их взгляды встретились поверх стерильной маски, поверх кровавого месива на операционном поле.

Она не знала, что это было. Может быть, усталость. Может быть, кислородное голодание. Но в ту секунду подвал перестал трястись, взрывы затихли, а время остановилось. Она видела только его глаза — и в них не было ни страха, ни боли, ни усталости. Там было что-то тёплое. Летнее.

Алексей шагнул внутрь. Подошвы его армейских ботинок оставляли грязные следы на кафельном полу.

— Выход! — резко сказала Варя, голос её стал жёстким. — Операционная закрыта. Немедленно покиньте помещение.

Он моргнул, словно очнулся. Пленный за его спиной дёрнулся, попытался вырваться, и Лёша сильнее прижал его плечом к косяку.

— Я капрала привёл, — хрипло сказал он. — Он снаружи, на лестнице. На «Красном Октябре» ранили. Осколочное в грудь. Ему нужна помощь. Срочно.

— Всем нужна помощь, — отрезала Варя, возвращаясь взглядом к операционному столу. — Ждите наверху. Я выйду, когда освобожусь.

Она не видела, как он усмехнулся. Как его взгляд ещё раз скользнул по её рукам — тонким, в алых пятнах крови, но точным, выверенным, как у пианистки. И как он бесшумно вышел, плотно притворив за собой дверь.

Четыре часа спустя Варя наконец вышла в коридор.

Она сняла окровавленные перчатки, бросила их в специальный контейнер, стянула маску. Лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, но взгляд оставался ясным. Она держалась на чистом адреналине и обещании себе — не падать, пока есть хоть один живой солдат.

В коридоре было тихо. Только слышно, как где-то наверху гудит генератор и капает вода с прорванной трубы. И тут она увидела его.

Он сидел на бетонном полу, прислонившись спиной к стене с облупившейся краской. Снял бронезилет, расстегнул ворот гимнастёрки. На левом плече темнела самодельная повязка — кусок бинта, примотанный поверх формы. Бинт был насквозь пропитан тёмной, уже запёкшейся кровью.

Рядом с ним, на полу, лежал его пленный — связанный, но живой, с тупым равнодушием глядящий в стену.

— Вы ранены, — сказала Варя. Это прозвучало не как вопрос, а как медицинский диагноз, не требующий подтверждения.

Лёша поднял на неё глаза. Даже в тусклом свете керосиновой лампы было видно, что он бледнее обычного.

— Царапина, — усмехнулся он. Голос его был хриплым, но в нём чувствовалась внутренняя сила. — А вы — Варвара Соколова, верно? Та самая, что из Москвы приехала и оперирует как бог.

Варя нахмурилась:

— Откуда вы меня знаете?

— Я спрашивал, — он криво усмехнулся. Улыбка вышла усталой, но по-настоящему живой. — У нас в разведке положено знать всё. Особенно где находятся настоящие хирурги. А вы здесь, на Рокоссовского. Спасаете всех подряд. Ходят слухи, что у вас руки золотые и вы даже не спите по трое суток.

— Слухи преувеличены, — сухо ответила Варя. — Идите в перевязочную. Я осмотрю вашу «царапину».

Она развернулась и пошла по коридору. Через несколько секунд услышала сзади тяжёлые шаги. Он шёл, слегка прихрамывая, но не жаловался.

В перевязочной — крошечной комнатке с одним столом, раковиной и шкафчиком с медикаментами — она жестом велела ему сесть на стул. Сама взяла ножницы, разрешила рукав гимнастёрки, отмотала грязный бинт.

Пуля прошла по касательной — сквозное ранение, но кость осталась цела. Ткани были повреждены сильно, но не критично. Она видела и хуже.

— Нужно зашить, — сказала она, надевая свежие перчатки.

— Зашьёте? — он смотрел на неё снизу вверх, и в его взгляде было что-то тёплое, почти летнее, хотя за стенами подвала лежал промёрзший до костей февральский Волгоград.

— Да, — она уже доставала из шкафчика стерильный набор. — Но будет больно. Обезболивающих нет, всё ушло на тяжелораненых.

— Я терпеливый, — ответил он, не отводя от неё глаз. — Делайте.

Варя работала молча. Игла входила в кожу, нитка натягивалась. Он не издал ни звука, только сжал зубы, когда она делала особенно глубокий стежок.

Она заметила, что он рассматривает её руки. Внимательно, с каким-то странным интересом. Как будто она не рану зашивала, а картину рисовала.

— Что? — спросила она, не поднимая головы.

— Ничего, — тихо ответил он. — Просто смотрю. Таких рук я не видел давно. Вы бы на пианино играть должны были, а не пули вытаскивать.

— Война не спрашивает, на чём я должна играть, — отрезала она, но в голосе не было злости. Только усталость.

Когда она закончила накладывать швы и закрепила повязку, он тихо спросил:

— Как вас по батюшке?

— Зачем? — она подняла брови.

— Чтобы знать, кому писать письма, — серьёзно ответил Лёша. — Если завтра меня убьют на Мамаевом кургане, я хочу, чтобы вы знали: я впервые за два года войны увидел здесь что-то красивое. В этой грязи, крови и смерти.

Варя засмеялась — тихо, устало, почти беззвучно. Её смех растворился в гуле очередного разрыва, донёсшегося откуда-то из-за Волги.

— В подвале? — переспросила она с лёгкой иронией. — Среди бинтов и ампул?

— Нет, — он покачал головой, и его глаза стали серьёзными. — В вас. Вы как та Волга, что течёт за окном. Течёт себе, несмотря ни на что. Сквозь войну. Сквозь смерть. Сквозь всё.

— Вы начитались стихов перед рейдом, — сказала она, вставая и снимая перчатки. — Приходите завтра на перевязку. Рана чистая, но я хочу посмотреть, как идёт заживление.

— Приду, — пообещал он, глядя ей вслед.

Варя уже взялась за ручку двери, но на полпути обернулась:

— А как вас зовут? Настоящее имя, не позывной.

— Алексей, — крикнул он. — Алексей Громов. Но для вас — просто Лёша.

— Хорошо, Лёша, — сказала она. — До завтра.

И скрылась за дверью.

А он остался сидеть на стуле, глядя на закрывшуюся дверь. В его груди что-то дрогнуло. Впервые за долгие месяцы ему захотелось не убивать, а жить. Дышать. Возвращаться. К ней.

Он не знал, сколько продлится война. Не знал, увидит ли её завтра. Но он знал одно: теперь у него есть причина выжить.

Через два дня они встретились у подножия Мамаева кургана.

Шёл снег, смешанный с пеплом и сажей. Город дымил — горели заводские трубы, горели дома, горела земля. Но в разрывах свинцовых туч вдруг пробился тонкий солнечный луч. Тёплый. Весенний.

Лёша стоял на замёрзшей, перемешанной с углём земле. В руках он держал букет сухих полевых цветов — нашёл их в разрушенной теплице на Дар-горе. Цветы были высохшими, почти рассыпались от прикосновения, но он нёс их бережно, как реликвию.

Варя вышла из госпиталя в короткой армейской шинели. Она выглядела ещё бледнее, чем в прошлый раз, но глаза её загорелись, когда она увидела его.

— Ты с ума сошёл, — сказала она, выдохнув облачко пара. — Зачем цветы? Кругом война, а ты — цветы.

— Чтобы ты помнила, — тихо ответил он, протягивая ей букет. — Что весна всё равно придёт. Что когда-нибудь это кончится. И что я тоже приду. Всегда.

Она взяла цветы. Её пальцы дрогнули. Она поднесла сухие лепестки к лицу и вдохнула их запах — травяной, горьковатый, напоминающий о лете. О доме. О мире.

— Лёша, — прошептала она. — Ты ведь завтра уходишь в разведку? Под Городище?

— Откуда знаешь? — удивился он.

— У нас в госпитале тоже всё знают, — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла дрожащей. — Вернись, слышишь? Ты должен вернуться.

— А ты будешь ждать? — спросил он, и в его голосе не было кокетства. Только надежда.

— Буду, — ответила она, не раздумывая.

Он шагнул к ней, взял её холодную ладонь в свои тёплые, шершавые ладони. Кожа его была грубой, покрытой мозолями, но тепло, исходящее от него, согревало её.

— Варь, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Я не знаю, что будет завтра. Может, я не вернусь. Может, это наш последний разговор. Но сегодня... сегодня я тебя не отпущу. Никуда не отпущу.

Он не поцеловал её. Он просто стоял и держал её за руку. А вокруг падал снег на склоны Мамаева кургана, и где-то внизу, подо льдом, текла великая Волга, которая видела и не такое за свою историю.

— Меня переводят в Ростов, — тихо сказала Варя, не отнимая руки. — В госпиталь на улице Пушкинской. Завтра утром уходит эшелон.

Лёша сжал её ладонь крепче:

— Я найду тебя, Варя. Даже если для этого придётся пройти всю войну пешком. От Волгограда до Ростова — не такая уж большая дорога. Для меня.

Она ничего не ответила. Она просто поднесла его руку к своим губам и поцеловала — легко, почти неслышно. Этот жест был нежнее любого поцелуя.

А война гремела где-то рядом, окрашивая небо багровыми сполохами. Но в эту минуту они не слышали её.

Они слышали только тишину — ту самую, ради которой стоило выжить.

Глава 2

Ахматова на Мамаевом кургане

Волгоград. Подножие Мамаева кургана. 14:30.

Эшелон ещё не ушёл. Варя получила отсрочку на сутки — на перевязку тяжелораненых, которых нельзя было везти. Она использовала это время, чтобы выйти в город. В последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.